

СЕРГЕЙ
СТЕБЛИНЕНКО

ОДЕССКИЕ ИСТОРИИ
КУТЮРЬЕ БИБЕРМАН
И ЕГО ЕВРЕЙСКОЕ
СЧАСТЬЕ

Сергей Стеблиненко Кутюрье Биберман и его еврейское счастье

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18013002
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Ах, Одесса!.. Каждая одесская история, вошедшая в этот сборник, по-своему знаменательна и удивительна. События «Кутюрье Бибермана» реально имели место в Одессе в 90-е годы, хотя все происходило гораздо тише, проще и менее миролюбиво. «Дядя Шая» впитал в себя сразу несколько различных историй, отчего старик получился не менее многогранным, чем знаменитое творение Мухиной. Герой следующего рассказа чекист Смолянский реально жил в Одессе, работал начальником одной крупной морской организации и старался никогда не рассказывать о своих подвигах чужим людям. После смерти о его жизни рассказали близкие друзья кадрового чекиста, которые не раз слышали эти истории от самого Арона Моисеевича.

Содержание

Дом на распутье	4
Кутюрье Биберман	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Стеблиненко КУТЮРЬЕ БИБЕРМАН И ЕГО ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ (одесские истории)

Дом на распутье

Жил-был дом. Стоял он вдали от больших проспектов среди уставших от летнего зноя акаций и расплывшегося, словно чернильная клякса в школьной тетради асфальта. Дом был так стар, что, казалось, прогибался от каждого дуновения горячего южного ветра.

В когда-то шумном и многоквартирном теперь проживали, а, вернее, доживали последние дни всего несколько семей. К счастью, никто из них не собирался отходить в мир иной, а лишь переезжать в новые квартиры. Умирал сам дом – ветхий, как Завет, пропитанный историями своих бывших обитателей, словно торт Наполеон кремом, взбитым на свежих сливках, купленных у известной всему городу молочницы.

Вы будете смеяться, но «Привоз» был тоже рядом – в пяти кварталах от дома. Правда, обитатели «клоповника» не имели привычки на него ходить. Они туда ездили.

Для этого нужно было пройти вверх до Старопортофранковской и дожждаться трамвая. Трамваев было два. Вернее, их было гораздо больше, но все они имели только два номера – «5» и «28». Отстояв на остановке привычные 20 минут, растолкав спелых, как фонтанские помидоры, молодых и наглых, как швейная машинка «Зингер» старушек, искатели приключений могли почувствовать себя настоящими пассажирами. Причем, с полным комплектом ингредиентов – отдавленными ногами, мозолями на ребрах, но с проездными билетами, купленными у царящей над всем этим миром кондукторши. Она сидела на специальном, поднятом вверх сиденье в конце вагона и контролировала все происходящее на территории вверенного ей вагона. Именно от нее зависела безмятежная жизнь путешественников в течении всех трех остановок отделяющих счастливых обитателей ближней Молдаванки от вожделенного «Привоза». Она сидела, как наседка, присматривая за курчатами, как в этих краях привыкли называть бройлеров, и вычисляла в толпе знакомых карманников. Когда ее зоркий взгляд вычислял до боли знакомую физиономию с ангельским выражением на всю морду, она нажимала рычаг за спиной. Трамвай с диким скрежетом тормозил, двери открывались и обезвреженный щипач покидал вагон.

Непонятными оставались две вещи – уходил он с добычей или нет, и было это спасение от него пассажиров или совсем наоборот, его от сильно разгневанных жертв. Впрочем, никто особо не возмущался – все понимали, что и зоркая контролерша, и выставленный из вагона босяк лишь выполняют свою обычную повседневную работу.

Кстати, молодухи всегда пахли... чаем. Видимо, едва вынесенный с находящейся там же чаеразвесочной фабрики чай от соприкосновения с пылкими телами успевал завариваться еще до того, как попадал к перекупщикам с «Приво-за». Выносился он обычно в бюстгальтерах, или, как тогда говорили, «на грудях» (с ударением на втором слоге). Говорят, запах чая на телах девчат оставался ещё долго, чем и выделял их из толпы пропахших кровью работниц мясокомбината и пышущих творогом барышень молзавода № 1. Следует отметить, что мужчины часто разочаровывались уже при первом серьезном свидании, ибо размер бюстгальтера не всегда соответствовал вложенным в него естественным прелестям.

Но вернемся к нашему дому, волею времени зависшему между жизнью и смертью, но по привычке прочно удерживающему самых верных своих жильцов.

Кутюрье Биберман

Фамилия Биберман была широко известна в Одессе шедрым разнообразием талантов своих многочисленных представителей, невероятным трудолюбием и предельно трепетным отношением к своему делу. За более чем столетнюю историю пребывания в городе, Биберманы торговали контрабандной мануфактурой, лечили хронический геморрой, учили латыни гимназистов, взывали к богу с кафедры синагоги Бродского и даже под псевдонимом Майоров возглавляли Губком ВКП (б). Их неоднократно награждали, благодарили, судили и выпускали, а упомянутого выше Бибермана-Майорова даже избрали в члены Политбюро и расстреляли у одной стены с выдающимися деятелями партии и правительства. Таким образом, биржевые ведомости, справочник врача-проктолога, тора и уголовный кодекс членам семьи Биберман были одинаково не чужды.

Семён Моисеевич Биберман, в отличие от своих знаменитых предков, не знал латыни, игнорировал геморрой, путал заповеди Моисея и не стремился в члены Политбюро. В общем, был нормальным советским человеком, честно работающим на благо любимой Родины и тихо подрабатывающим на самого себя. Дядя Сеня в свои 68 лет бегал трусцой от инфаркта, судился с ЖЭКом и клёпал на кухне аме-

риканские джинсы «Леви Страус». Этот «Страус» действительно был левым, являлся плодом совместно производства дяди Сени, Шурика и Фиры Марковны и зиждился на поставках фирменных комплектующих материалов славными китобоями орденоносной флотилии «Слава», небольшие китобойные судёнышки которой могли прыгать через льдины, находится в океане больше года и прятать за своими переборками тонны высококачественной и чрезвычайно необходимой контрабанды.

В своё время кутюрье Биберман считался непревзойдённым художником крупных форм. Видные мужчины, рубенсовские женщины и упитанные отпрыски приличных фамилий, чьи габариты перевалили далеко за 60-й размер 2, 3, 4 и даже 5 роста стояли к дяде Сене в очереди, в надежде прикрыть свою необъятную плоть. Дядя Сеня старался помочь всем, работал в две смены и даже брал работу на дом, что легло в основу чрезвычайно громкого уголовного дела, в котором принимали посильное участие не только коллеги по ателье высшего разряда «Белая акация», но и 325 бывших клиентов, пришедших на суд в добротных костюмах незаконного пошива «а-ля Биберман». Общими усилиями прокурора, защитника и свидетелей суд всё расставил по своим местам – коллеги по ремеслу застрочили на швейных машинках с удержанием 30 % от настроенного, оформившие явку с повинной свидетели разошлись по домам с позором,

а бывший ударник труда Биберман гордо направился в места не столь отдалённые, сколь недоступные осваивать новый край телогреек ватных ГОСТ 56432-64. Восьми лет вычеркнутых из сознательной жизни мастера вполне хватило на переосмысление всей последующей биографии гражданина Бибермана. Дядя Сеня больше не рвал пуп на казённой работе, а старался незаметно шить на дому, тем более что старая клиентура медленно сползалась к нему со всего города, стыдясь своего предательства и на чем свет вспоминая ловкого прокурора, преступным путём сфабриковавшего злополучную явку с повинной. Так продолжалось около десяти лет, пока светлый луч перестройки не озарил невзрачные строения ближней Молдаванки с покосившимися стенами, протекающими крышами и вечно забитой канализацией. Нечто подобное старожилы уже наблюдали в 17 году, только без митингов, субботников и взятия пьяными матросами центрального телеграфа.

Перевозбужденные верой в обещанное завтра подпольные цеховики медленно, но уверенно выползали из насиженных нор. Бойкие посредники носились по старым улицам, ныряли в аварийные подъезды и выныривали с увесистыми баулами, содержимое которых быстро рассыпалось по стране, заполняя обнажённые прилавки чешской бижутерией, итальянскими ремнями, австрийскими сапогами и американскими джинсами самых немислимых размеров. Во всех пре-

стижных населённых пунктах с населением свыше 52 человек цыганская пластмасса ничем не уступала чешской, пёстрый кожзаменитель благоухал натуральной Италией, а верблюжье одеяло так сильно утепляло сапоги изнутри, что ноги сами пускались в пляс в ритме венского вальса «Голубой Дунай», вопиющего на всех базарах нашей многонациональной Родины в звуковых частотах отечественной радиоточки.

Славное дело извлечения денежных знаков у запасавшего их всю жизнь населения расцветало с немыслимой скоростью, превознося ширпотреб в каждую советскую семью. Вместе с тем, всем хотелось чего-то по-настоящему фирменного, например, американских джинсов «Леви Страус». К сожалению, хвалёная американская промышленность не могла самостоятельно насытить дикий рынок с пустыми прилавками, каким являлся Союз до боли счастливых республик в то время. И тогда на помощь заокеанским империалистам пришёл ни кто иной, как скромный и до безобразия трудолюбивый дядя Сеня.

Комплексная бригада передовиков капиталистического труда в составе закройщика дяди Сени, швеи Фиры Марковны и вездесущего Шурика, да простит его господь за отчество, Аристарховича наладила замкнутый цикл производства, который выплёвывал готовую продукцию, как семечки, одевая в ковбойские штаны не только тех, кто на лоша-

ди уже не сидел, но даже тех, кто это экзотичное животное никогда в глаза не видел. Пять лет безмятежного процветания и накопления завершились денежной реформой Павлова, падением рубля и трансформацией Советского Союза в Союз Никчемных Государств, что было воспринято нашими героями чрезвычайно болезненно, как покушение на целостность самого святого – их процветающего бизнеса. Дядя Сеня дважды угрожал покончить с собой, один раз даже слазил в петлю, откуда был благополучно извлечен вездесущим Шуриком и водружен на диван.

Первыми перестали понимать по-русски прибалты, а так как по-английски они ещё не заговорили, то возникла серьёзная проблема национального самосознания и острая необходимость перевода фирменных лейблов джинсов на языки новоявленных европейцев. Вслед за прибалтами в призрачную дымку свободы потянулись казаки, узбеки, туркмены, не говоря уже о братских оседлых народах, генетически впитавших свою государственность с молоком матери и, как овечка Долли, желающих клонировать общественное устройство пращуров, взывающее к просвещённым современникам из глубины веков.

Для решения проблемы становления новых государственных образований были приняты кардинальные меры – этикетки на изнанке левой штанины стали принимать сугубо

национальный характер, и пестрели языками братских народов, растасованных по всем уголкам некогда общей Родины. К столь серьёзным лингвистическим исследованиям был привлечен бывший университетский профессор, а ныне пенсионер без каких либо перспектив на приличное ПМЖ Григорий Аркадьевич. Ещё в ранней молодости, будучи зелёным, как дом Попудова, и неопытным, как сорокалетняя девственница, аспирантом, ему посчастливилось присутствовать при пробном запуске какого-то стратегического трактора. Не смотря на то, что секретная машина так и не завелась, он попал в поле зрения спецслужб и дал подписку о неразглашении государственной тайны, страшную настолько, что одно только воспоминание о её содержании вызывало дрожь в коленках, обильное потовыделение в лице и сильный анурез во всём оставшемся теле. Срока давности подписка не имела, не смотря на то, что стратегические трактора не только были сняты с вооружения, но и проданы оптом для утилизации сразу нескольким потенциальным противникам. Естественно, семья не стала дожидаться по уши засекреченного ученого и вернулась в страну, которую далёкий пращур покинул пару тысячелетий тому назад. Причём, без визы и паспорта. Григорию Аркадьевичу пришлось провести их до самого аэропорта, поцеловать родные следы, тянущиеся из-под хвоста самолёта, и вернуться домой на автобусе круглым сиротой. С тех пор он оббивал порог ОВИРа, пытаясь, воссоединится хоть с кем-то, в чём Родина ему категорически

отказывала, не смотря на заверения в полном провале памяти с 1965 по 1968 год. Последующая попытка Григория Аркадьевича совершить суицид или, хотя бы, отбить мозги закончилась падением с Сабанеева моста, переломом ключицы и штрафом за мелкое хулиганство. Его поседевшая голова осталась неповреждённой и по-прежнему хранила государственную тайну, о существовании которой знали все проживающие за рубежами страны, недвижимостью которой эта самая тайна и являлась. Теперь Григорий Аркадьевич работал на джинсовый синдикат и еле поспевал с переводом американского ГОСТа на многочисленные языки новых государственных образований, гордо вздымавших самостийные стяги над руинами побеждённого социализма. Таким образом, адаптация, то бишь, примерка американских джинсов на обретшие независимость задницы бывших земляков проходила вполне успешно, незаметно для Интерпола, налоговой и прочих возмутителей спокойствия. Производство ковбойских штанов начало принимать необратимый характер – дядя Сеня кроил, Фира Марковна тщательно прострачивала швы в три импортные нити, после чего процесс вновь замыкался на дяде Сене, ставившем последние штрихи на почти готовом шедевре – лейблы, заклёпки и гульфик. Когда джинсы обрастали целлофаном появлялся Шурик. Он паковал товар в большие клетчатые баулы, рассказывал на дороге свежий анекдот и растворялся в воздухе, чтобы вновь материализоваться в другом городе, может быть, другой стране

и, вполне вероятно, под другим именем. Там он тоже долго не задерживался и возникал в уже знакомой квартире дяди Сени с уже пустыми баулами, ещё более свежими анекдотами и шелестящими зелёными листочками, которыми старик Биберман пытался украсить засыхающие ветви своей одинокой старости.

Каждый человек стремится взять от жизни как можно больше, но, к сожалению, всё, что в него попадёт, рано или поздно перемелется и выйдет естественным путём. Эпоха поголовного процветания не долго бродила по пыльным улицам Молдаванки и сменилась смутным временем больших перемен и маленьких потрясений.

Первой ласточкой, залетевшей в этот край непуганых полиглов, стало зверское избиение вездесущего Шурика, произведенное неизвестными прямо на пороге дяди Сениной квартиры. Единственной уликой, оставленной хулиганами возле практически бездыханного тела несчастного Шурика, был явно чеченский след в виде записке следующего содержания:

«НЭ БУДЫШ ПЛАТЫТ, НЭ БУДЫШ ДЫШАТ.
МАХМУД».

– Странно, – удивился профессор Григорий Аркадьевич, – Столько ошибок чеченцы не позволяли себе делать никогда...

Записка была написана на обратной стороне счёта кооперативного ресторана «Заблудшая овца» печатными буквами и, видимо, предназначалась не только Шурику, но всей артели свободных художников вместе взятых. Содержание самого счёта говорило о том, что автор записки не только закусил шашлыком из заблудшей овцы 400 грамм армянского коньяка «Арагат», но и употребил 3 порции десерта, мороженое и 2 бутылки минеральной воды «Боржоми», одной из которых и был осуществлён первый удар по многострадальному затылку Шурика.

Судя по первым впечатлениям Шурика, затемнение рас­судка началось одновременно с началом беседы, после чего перед глазами быстро замелькали добротные итальянские туфли 41, 42 и 43 размеров. Удары наносились исключительно в район живота с профессиональной точностью, и сопровождалось настоятельными просьбами об оказании материальной помощи истинным борцам за независимость Кавказа, причём помощь должна быть исключительно добровольной и не афишируемой в правоохранительных органах.

Находчивый Шурик периодически выкрикивал «Вах!» с явно кавказским акцентом, чтобы pinaющие его джигиты оценили искреннее дружелюбие потерпевшего и его истинный интерес к продолжению начатого диалога на более деликатном уровне. По словам владельца 42 размера, у Шу-

рика полностью отсутствовала совесть, и вместо того, чтобы пускать по откос литерные поезда, они вынуждены носиться по стране в поисках вездесущего реализатора. 41 и 43 били молча и в разговор не вмешивались.

– Передай своим, платить будите половину прибыли – подытожил 41, пнул Шурика в пах, услышал очередной «Вах!» и напомнил: – Половину!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.